

Последний пациент

— 2 том —
Анжела Абдуризакова

2

Анжела Абдуризакова

Последний пациент 2

<https://litres.ru/74445938>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём Кравцов — психотерапевт, который двадцать восемь лет жил замороженным после смерти отца, а потом треснул и почувствовал всё разом. Он думал, что самое страшное позади. Ошибся.

Вторая книга — о том, что бывает после трещины. Выздоровление — не прямая, а зигзаг: два шага вперёд, один назад. Артём скользит обратно к старым привычкам, но учится замечать падение и возвращаться. К нему приходят новые пациенты — Игорь, виновный в гибели двух человек, Дина, выгоревший психолог, Сергей, психотерапевт с тридцатилетним стажем, потерявший дочь. Каждый стоит в своей замороженности — и каждый ищет способ двинуться.

А ещё звонит мать. Та, что ушла тридцать три года назад и оставила записку. Нить между ними не порвалась — тонкая, хрупкая, но целая. И Стёпа — серый кот со скамейки, который был мостом к жизни, — исчезает. Мост исчезает, когда переход состоялся.

Это книга о втором дне: о жизни с трещиной, о боли и радости одновременно, о кривых, которые тоже любимые.

Содержание

ПОСЛЕДНИЙ ПАЦИЕНТ	4
Книга вторая. ВТОРОЕ ДНО	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОВЫЕ ДВЕРИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Последний пациент 2

ПОСЛЕДНИЙ ПАЦИЕНТ

Книга вторая. ВТОРОЕ ДНО

Психологический триллер

Я думал, что всё закончилось. Что стена рухнула, и за ней — чистое поле, и я стою на ногах, и мир не рухнул. Я думал, что самое страшное — позади. Что кухня — пройдена, что отец — прощён, что Лариса — спасена, что Маша — со мной, что Ольга — может быть, что Стёпа — мурчит. Я думал, что я — выздоровел. Не вылечился — выздоровел. Как выздоравливают от гриппа: температура спала, ноги держат, можно выходить.

Я ошибся. Выздоровление — это не конец. Выздоровление — это начало самого трудного. Потому что пока ты болен, у тебя есть оправдание. Ты не встал, потому что болен. Ты молчал, потому что болен. Ты не чувствовал, потому что болен. А когда ты выздоровел — оправданий нет. Ты должен. И «должен» — это хуже, чем «болен». Потому что больной лежит, а должный — стоит. А стоять — я уже говорил — я не умел.

Я учился. Но учёба — это не прямой путь. Это зигзаг. Два

шага вперёд, один назад, три в сторону, и ты не знаешь, где ты — ближе или дальше. Я думал — ближе. Иногда — был дальше, чем в начале.

Эта книга — о том, что было после. После кухни, после моря, после трещины. О том, что бывает, когда ты решил жить, а жизнь — не согласна с твоим решением. О том, что второе дно — есть. Оно всегда есть. Ты проходишь первое — и думаешь, что дно. Проходишь второе — и думаешь, что дно. А под ним — третье. И ты не знаешь, сколько. Никто не знает.

Я — Артём Сергеевич Кравцов. Мне сорок три. Или сорок четыре. Я не помню — попрежнему. Я — психотерапевт. Я — ненадёжный рассказчик. Я — здесь.

Пока.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОВЫЕ ДВЕРИ

Глава 1. Пациент, который молчал

Ноябрь. Год — после. После всего. Я не считаю от января — я считаю от октября, от последнего сеанса с Ларисой, от коричневого кресла, от «я готова». Октябрь был нулевой точкой. Ноябрь — первый месяц новой жизни. Жизни, в которой я чувствую.

Чувствовать — это больно. Я знал это теоретически. Теперь знал практически. Каждый день — как открытая рана. Кофе — горький. Нет, горький — это вкус. Кофе — горький, и я это чувствую, и горечь — не просто характеристика, а ощущение, которое живёт во рту и спускается в грудь, и в груди — откликается. Всё откликается. Всё — резонирует. Раньше я был глух. Теперь — слышу. И слышать — это как жить без кожи. Каждый звук — прикосновение. Каждый — больно.

Я ходил к Ирине Павловне. Раз в неделю. Вторник, шестнадцать нольноль. Я шёл через парк, мимо скамейки Стёпы, мимо школы, через двор. Тот же маршрут — что и на работу. Но работа — на Подбельского, а Ирина Павловна — на Социалистической, в десяти минутах дальше. Десять минут —

расстояние между моей работой и моим лечением. Небольшое. Но — пропасть.

На сеансах мы работали — медленно, как сапёры. Разбирали мину, провод за проводом. Не взрывали — обезвреживали. Мина — это воспоминание. Не одно — множество. Каждый сеанс — новый провод. Иногда — я резал не тот, и мина взрывалась. И я — кричал. Или плакал. Или молчал — час, два, не мог сказать ни слова. Ирина Павловна — ждала. Она умела ждать. Я — учился.

В ноябре пришёл новый пациент. Не к Ирине Павловне — ко мне. В кабинет на Подбельского, третий этаж, окно во двор. Серые стены, коричневое кресло, жёсткое — моё. Фигус — я его полил, наконец. Он не засох — я думал, засох, но он выжил. Как я.

Пациент — мужчина. Молодой — двадцать семь или двадцать восемь. Высокий, худой, с короткими волосами и лицом, на котором ничего не было. Не «ничего» — пусто. Как чистый лист. Как лицо Олега — сына Ларисы — когда он стоял в дверях больничной палаты. Пустое лицо. Лицо человека, который решил не чувствовать — и преуспел.

Он сел. Не в коричневое — в моё. Я не возражал. После Ларисы — после того, как мы поменялись креслами — я перестал цепляться за своё. Кресло — это кресло. Суть не в нём.

Он сидел и молчал. Я сидел и молчал. Молчание — часть терапии. Я — знал. Я — ждал.

Он молчал десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Я не торопил. Я не спрашивал «что вас привело». Я не говорил «у вас есть время». Я — молчал. И в молчании — слушал. Его дыхание — ровное, медленное. Его руки — на коленях, неподвижные. Его глаза — на мне, но не на мне. Сквозь меня. Как сквозь стекло.

На двадцать третьей минуте он сказал:

— Вы не спрашиваете.

— Я жду.

— Все спрашивают. Все — сразу. «Что вас привело? Что случилось? Чем я могу помочь?» Вы — нет.

— Я могу не спрашивать. Можно просто сидеть.

Он посмотрел на меня. Первый раз — понастоящему. Не сквозь — на. Глаза — серые, светлые, с тёмными кругами. Бессонница. Или слёзы. Или то и другое.

— Меня зовут Игорь, — сказал он. — Мне двадцать восемь. Я... — Он замолчал. Снова. Надолго. Я — ждал.

— Я убил человека.

Я не ответил. Я не отреагировал — внешне. Внутри — всё сжалось. Как при ударе. Мышцы, живот, горло. Удар — не физический. Словесный. «Я убил человека». Одиннадцать букв. Три слова. И за ними — мир.

Я не спросил «кого». Не спросил «как». Не спросил «когда». Я — сидел. Я — дышал. Я — был. Как учила Ирина Павловна: «Быть — это действие. Самое трудное действие».

— Я не сидел, — сказал он. — В тюрьме. Не сидел. Это

было... Инцидент. Несчастный случай. Я был за рулём. Пьяный. Я... — Он закрыл глаза. — Два года назад. Декабрь. Тридцать первое. Новый год. Я ехал домой. И... на дороге. Женщина. Переходила. Я... не успел. Или — успел, но не затормозил. Не знаю. Я был пьян. Я — не помню. Я помню — звук. Удар. И — тишина. И — я стою. И — она лежит.

Он стоял. Она лежала. Я — стоял. Когдато. На кухне. Отец лежал. Я стоял.

Я не сказал этого. Я — молчал. Но между нами — между его словами и моим молчанием — что-то было. Общее. Неопытность — нет. Общее стояние. Общая замороженность. Общая неспособность — двигаться, когда мир рушится.

— Суд — оправдал. Несчастный случай. Я — не сидел. Но я — стою. С тех пор. Стою и не двигаюсь. Два года.

Два года. Я — двадцать восемь. Он — два. Разница — в двадцати шести годах. Но — стояние. То же. Замороженное. Не двигающееся. Стоящее.

— Что вы хотите от терапии? — спросил я. Тихо. Без формулы. Без протокола. Как человек — человеку.

— Я хочу — двигаться. Я хочу — перестать стоять. Я хочу... — Он открыл глаза. — Я хочу спать. Я не сплю два года. Я закрываю глаза — и слышу звук. Удар. И — тишину. И — я стою. Каждый раз — стою.

Я кивнул. Не как врач — как тот, кто знает. Кто стоял. Кто не мог двигаться. Кто слышал звук — не удар, другой.

Тихий. Как выдох. И — тишину. И — стоял.

— Игорь, — сказал я. — Я не могу обещать, что вы перестанете слышать звук. Я не могу обещать, что вы заснёте. Но я могу — сидеть рядом. Пока вы стоите. Пока — не сможете двигаться.

Он посмотрел. Долго. Потом — кивнул. Едва заметно. Как Стёпа, когда соглашается на поглаживание. Едва — но соглашается.

— Хорошо, — сказал он. И встал. И ушёл. Не попрощавшись. Не договорив. Ушёл.

Я сидел. Я смотрел на дверь — закрытую. Я думал: он вернётся. Или — нет. Если вернётся — будем работать. Если нет — я не могу его заставить. Я — врач, не спаситель. Я — компас, не карта. Я — дрожу, но показываю.

Он вернулся. Через неделю. Вторник, двенадцать тридцать. Сел — в моё кресло. Молчал пять минут. Потом сказал: — Я не рассказал всё.

— Я знаю.

— Я был не один. В машине. Со мной была... — Он замолчал. — Девушка. Маша. Мария. Она... она погибла тоже. Не сразу — в больнице, через три дня. Она была... — Он закрыл глаза. — Она была беременна. Три месяца. Я не знал. Она не сказала. Она — не успела.

Маша. Мария. Беременная. Три месяца. Как Лариса. Я слышал — и внутри откликнулось. Лариса — беременная, три месяца, «он рад, всё нормально». Маша — беременная,

три месяца, не успела сказать. Совпадение. Или — не совпадение. Или — я видел связи там, где их нет. Я — ненадёжный рассказчик. Я — додумываю.

— Игорь, вы вините себя.

— Да.

— И это вина — настоящая. Не выдуманная. Вы были пьяны. Вы были за рулём. Человек погиб.

— Два человека. Мария и... ребёнок.

— Ребёнок — это сложно. Вы не знали. Но — да. Я понимаю.

— Вы понимаете? — Он открыл глаза. Посмотрел — прямо, как тогда, в первый раз. — Вы — понимаете? Или — говорите, что понимаете?

— Я понимаю, — сказал я. — Не вашу ситуацию — свою. Я знаю, что такое — стоять и не двигаться. Я знаю, что такое — слышать звук и не забыть. Я знаю, что такое — винить себя. Я — знаю.

Он молчал. Потом:

— Что вы сделали?

— Я стоял. Двадцать восемь лет. А потом — перестал.

— Как?

— Треснул.

Он усмехнулся. Впервые — не усмешка, тень усмешки. Но — тень живая.

— Треснул?

— Как стена. Когда напряжение слишком большое — сте-

на трескается. И через трещину — вода. Или — свет. Или — боль. Но — движение. А стояние — это отсутствие движения. Трещина — это начало.

— Я не хочу трещин.

— Никто не хочет. Но без трещин — ты замёрз. Как лёд. А лёд — не живёт. Лёд — стоит. Пока не растает.

Он ушел. Я сидел. Я думал о нём — о Игоре, о Марии, о ребёнке, о ударе, о тишине. И — о себе. О кухне, об отце, о звуке — выдохе или тишине. Мы — похожи. Не ситуацией — стоянием. Мы оба — стояли. И оба — не могли двигаться. И оба — пришли к психотерапевту. Разница — в том, что я — психотерапевт. И он — пришёл ко мне. И я — должен был его вести. А я — только учился идти сам.

Это — не страшно. Это — честно. Я — не идеальный врач. Я — идущий врач. Идущий — ведёт. Не потому что знает дорогу — потому что идёт.

Глава 2. Два шага назад

Декабрь. Снова декабрь. Декабрь — мой месяц. Месяц, когда всё становится острым. Месяц Ларисы, месяц попытки, месяц зелёной обёртки, месяц звонка Виктора. Декабрь — мой враг. Но враг — не внешний. Враг — внутри. Враг — память. И память не уважает календарь. Она живёт — в теле, в запахах, в свете. Декабрьский свет — белый, резкий, как скальпель. Декабрьский воздух — холодный, сухой, пахну-

щий дымом и металлом. Декабрьская тишина — звенящая, как натянутая струна. Всё — как тогда. Как год назад. Как два года назад. Как всегда.

Я начал скользить. Не падать — скользить. Разница: падение — быстро, скольжение — медленно. Ты не замечаешь, пока не окажешься внизу. Я не замечал. Или — замечал, но делал вид, что не замечал. Старая привычка. Двадцать восемь лет — не замечать. Она — не ушла. Она — притаилась. Как кот за углом. Ждала. И дождалась.

Первый признак — сон. Я перестал спать. Не сразу — постепенно. Сначала — просыпался в три часа ночи и лежал до утра. Потом — засыпал в четыре и просыпался в шесть. Потом — не засыпал вообще. Как Лариса. Как Игорь. Как все, кто приходит ко мне. Я — врач, который не спит. Ирония — не смешная.

Второй признак — еда. Я перестал есть. Не голодал — нет. Просто — забывал. Завтракал кофе — это не еда. Обедать в «У Галины» — борщ и компот. Но борщ — без вкуса. Как картон. Я жевал и не чувствовал. Еда — топливо, не удовольствие. Я — возвращался. К функции. Функция ест, чтобы работать. Человек ест, чтобы жить. Я — ел, чтобы работать.

Третий признак — Маша. Я забыл субботу. Не ту, в которую она приезжает, — другую. Я перепутал чётную и нечётную. Опять. Ольга позвонила в субботу утром и сказала: «Артём, ты сегодня?» Я сказал: «Конечно». Она сказала:

«Сегодня — не твоя суббота». Я сказал: «Я помню». Она помолчала. Потом: «Ты опять путаешь?» Я — опять. Опять. Как раньше. Как до моря. Как до трещины.

Я сел на пол. Не на кровать — на пол. Старая привычка. Линолеум — холодный. Пятно на потолке — рыба. Или — нет. Я уже знал, что не рыба. Но — видел. Я — видел рыбу. И обёртку. И акварель. Я — додумывал. Опять. Трещина — она не закрылась. Она — открыла. И через неё — не только свет, но и тьма. Тьма — это старые привычки. Старые стены. Они не ушли — они отступили. И теперь — возвращались.

Я позвонил Ирине Павловне. Не на сеанс — между сеансами. Я — не звонил между сеансами. Это — правило. Терапевт — не доступен 24/7. Но я — позвонил. Потому что — скользил.

— Артём? — Она ответила сразу. Как будто ждала.

— Я скольжу.

— Что вы имеете в виду?

— Не сплю. Не ем. Путаю дни. Сел на пол.

— Как давно?

— Неделя. Две.

— Приезжайте. Завтра. Не во вторник — завтра.

Я приехал. В среду. Не наш день — её день. Она приняла меня — вне расписания. Я сел на кушетку. Голубую, мягкую. И — молчал. Как Игорь. Как тогда, в первый раз. Я — молчал, и она — ждала.

— Я думал, я выздоровел, — сказал я наконец.

— Выздоровливают от гриппа. От травмы — живут. Жить с травмой — это не выздоравливать. Это — двигаться. А движение — не прямая линия. Зигзаг.

— Я зигзагнул назад.

— Да. И это — нормально. Не хорошо — нормально. Вы — два года копали. Без остановки. Не отдыхали. Не — отпускали. Вы — устали. И когда усталость — крайняя — мозг возвращается к старому. К проверенному. К безопасному. Пол — безопасный. Стена — безопасная. Молчание — безопасное. Вы — вернулись к безопасному.

— Я не хочу возвращаться.

— Знаю. И вы — не вернётесь. Не полностью. Потому что теперь — вы знаете. Вы знаете, что скользите. Два года назад — не знали. Вы — не замечали. Теперь — заметили. И позвонили. Это — прогресс. Не откат — прогресс.

Прогресс. Я — прогресс. Я — скольжу, но — прогресс. Парадокс. Жизнь — парадокс. Ты — идёшь вперёд и падаешь назад, и это — вперёд, потому что ты — видишь. Видишь — падение. А видеть — значит не быть в нём. Быть — рядом. Наблюдать. И — возвращаться.

— Артём, — сказала Ирина Павловна. — Вам нужен отдых. Настоящий. Не лежание на полу — отдых. От терапии — своей. От копания. От раскапывания. Вам — пауза.

— Я не могу. Пациенты.

— Пациенты — подождут. Вы — не подождёте. Если вы — сломаетесь, пациенты — останутся без врача. А если вы

— отдохнёте и вернётесь — они — получают врача. Живого. Живого. Я — живой. Я — хочу быть живым. Я — хочу — не скользить. Я — хочу — стоять. Не сидеть, не лежать — стоять. На ногах. На своих.

— Две недели, — сказала она. — Две недели — без сеансов. Своих и чужих. Просто — живите.

Живите. Как Лариса — «живу». Как Маша — «мы здесь». Живите. Просто — живите. Без цели, без задачи, без протокола. Дышать. Есть. Спать. Гулять. Быть.

— Хорошо, — сказал я. — Две недели.

Глава 3. Две недели

Я отменил приёмы. Все — на две недели. Игорь — позвонил лично. Я не объяснял, просто сказал: «Мне нужно две недели. Мы продолжим после». Он помолчал. Потом сказал: «Хорошо. Я подожду. Я умею ждать». Я — не знал, умеет ли. Может быть. Может — нет. Но он сказал — и я поверил. В него. В себя. В — процесс.

Первые три дня — я лежал. Не на полу — на кровати. С закрытыми глазами. Без сна — но с закрытыми глазами. Тело — тяжёлое, свинцовое. Мысли — медленные, вязкие. Я — не думал. Не анализировал. Не вспоминал. Я — лежал. Как камень на дне. Как — тогда, в декабре, после звонка, после всего. Но — иначе. Тогда — я лежал, потому что не мог стоять. Теперь — лежал, потому что выбрал. Выбор — это

разница. Между падением и отдыхом. Между беспомощностью и добровольностью. Я — выбрал лежать. И — это было — не падение. Пауза.

На четвёртый день я вышел. Не на работу — на улицу. Декабрь. Мороз. Снег — сухой, скрипучий. Воздух — колючий, до слёз. Я шёл — не по маршруту. Не через парк, не мимо школы, не мимо скамейки Стёпы. Другим путём — через дворы, мимо гаражей, мимо мусорных баков, мимо собак на цепях. Я шёл — и не знал, куда. Бесцельно. Впервые — бесцельно. Я всегда шёл — кудато. На работу, к Ирине Павловне, к Ольге, в кафе. Всегда — точка назначения. Теперь — нет. Я — шёл. Просто шёл. И это было — странно. Странно — как новое слово в чужом языке. Ты знаешь буквы, но не понимаешь смысл.

На пятый день — Стёпа. Я не заходил к нему четыре дня. Я — не ходил мимо скамейки. Я — избегал. Как избегал всего, что связано с маршрутом, с работой, с ритмом. Но — на пятый день — пошёл. К скамейке. Стёпа — был. Серый, с ободранным ухом, как всегда. Он — спал. Я сел рядом. Погладил. Он — замурчал. Мурчание — тихое, ровное. Я — чувствовал. Каждый звук, каждая вибрация — под пальцами, в ладони, в груди. Я — чувствовал. И — не убегал. Не — закрывался. Сидел и чувствовал.

— Стёпа, — сказал я. — Я скольжу.

Он зевнул. Потянулся. Перевернулся на спину — показал живот. Я почесал. Он — мурчал громче. Мы — понимали

друг друга. Он — не осуждал. Не — анализировал. Не — спрашивал «почему». Просто — был. Рядом. Тёплый. Мурчащий. Достаточный.

На шестой день позвонила Маша.

— Пап, ты почему не пришёл в субботу?

Я — забыл. Снова. Две недели — без графика, без расписания — и я потерял счёт. Я не знал, какой день. Суббота? Воскресенье? Я — не знал.

— Маш, прости. Я... запутался.

— Мама говорит, ты заболел.

— Нет. Не заболел. Отдыхаю.

— От чего?

От чего. От — чего? От работы, от травмы, от копания, от себя. От — чего. Я — не мог сказать девятилетней девочке «от себя». Или — мог?

— От усталости, — сказал я. — Я устал. И — отдыхаю. Как — после школы, когда ты приходишь и ложишься на диван.

— Я не ложусь после школы. Я делаю уроки.

— Вот. А я — лёг. И теперь — отдохнул. И скоро — приеду.

— Когда?

— Скоро.

Скоро. Словообёртка. Я — снова. «Скоро» — это завтра, или через месяц, или никогда. Я — не хотел. Я — хотел — точно.

— В следующую субботу, — сказал я. — Точно. Приеду.
— Обещаешь?
— Обещаю.
— Хорошо. Я нарисую тебе чтонибудь.
— Нарисуй.

Она повесила трубку. Я сидел. Думал. Обещание — это ответственность. Обещание — это встать. Я — обещал. Значит — встану. В следующую субботу — поеду. Точно. Не «скоро» — точно.

На седьмой день — я спал. Впервые за недели — спал. Не долго — четыре часа. Но — спал. Без снов. Без мыслей. Как камень. И — проснулся. И — было утро. И — свет. И — кофе. И — я варил. И — пил. И — чувствовал. Горечь — настоящую, живую. Не картон. Кофе.

На восьмой день я позвонил Ольге.

— Оль, — сказал я. — Я в порядке. Я приеду в субботу.
— Ты уверен?
— Да.
— Ты звучишь... иначе.
— Иначе — как?
— Тише. Но — живее.

Тише, но живее. Она — слышала. Она — всегда слышала. Она — слышала меня лучше, чем я себя. Она — видела насквозь. И — не уходила. Не уходила — потому что видела. Потому что — может. Потому что — я ей нужен. Не как функция — как человек.

— Оль, — сказал я. — Спасибо.

— За что?

— За то, что слышишь.

Молчание. Потом — тихо:

— Я всегда слышала. Ты — не всегда говорил.

Я — не всегда говорил. Она — всегда слышала. Я — молчал, она — слышала. Я — стоял, она — ждала. Я — лежал, она — была. Она — всегда. А я — не всегда. Но — учусь. Учусь — быть. Как Стёпа. Как Маша. Как Ольга. Как — все, кто умеет. Я — учусь.

На девятый день — я рисовал. Не акварель — нет. Карандашом. На листе бумаги. Я не умел рисовать. Но — рисовал. Линии — неровные, кривые. Круг — не круг. Квадрат — не квадрат. Но — я рисовал. И — это было — новое. Новое — не страшное. Новое — живое. Я — делал то, чего не делал никогда. Не потому что умел — потому что хотел. Хотел — рисовать. Хотел — чувствовать карандаш в пальцах. Хотел — видеть линию на бумаге. Хотел — быть. Не функцией — быть. Человеком, который рисует кривой круг и не стыдится.

На десятый день я пошёл к морю. Не к Азовскому — нет. Далеко. На такси — до набережной Дона. Дон — серый, широкий, медленный. Ледяной. Берег — заснеженный. Я стоял на берегу и смотрел. Вода — двигалась. Медленно, тяжело. Но — двигалась. Не стояла. Не замёрзла. Подо льдом — течение. Течение — жизнь. Я — стоял и смотрел. И думал: я — как Дон. Подо льдом — течение. Я — замёрз, но — течу.

Подо льдом — живой.

На одиннадцатый день — я вернулся к Ирине Павловне. Не на сеанс — просто — зашёл. Она открыла. Впустила. Я сел — не на кушетку, на стул. Она — напротив.

— Я отдохнул, — сказал я.

— Вижу.

— Я спал. Рисовал. Гулял. Стоял у Дона.

— И?

— И — я хочу вернуться. К работе. К терапии. К — себе.

— К себе — это к чему?

— К — тому, кто рисует кривые круги. К — тому, кто спит. К — тому, кто стоит у реки и смотрит. К — тому, кто — чувствует.

— Артём, — она наклонилась. — Вы знаете, что это — не конец.

— Знаю. Я — зигзаг. Я — скольжу и возвращаюсь. Скольз и возвращаюсь. Это — моя линия. Не прямая — зигзаг. Но — моя.

Она кивнула. И — улыбнулась. Не широко — уголком. Но — улыбнулась. И я — увидел. В её улыбке — одобрение. Не к результату — к процессу. К тому, кто — идёт. Зигзагом, с падениями, с откатами. Но — идёт.

Глава 4. Игорь возвращается

Я вернулся к работе в январе. Новом году — по календа-

рю, не по моему. Мой новый год — октябрь, но календарь — не спрашивает. Январь — белый, холодный, тихий. Город — после праздников — пустой, как вымытая тарелка. Люди — спят, переваривают, отдыхают. Я — работал.

Игорь пришёл во вторник. Двенадцать тридцать. Сел — в моё кресло. Я — в коричневое. Мы поменялись — как с Ларисой. Не обсуждая. Просто — сели.

Он выглядел иначе. Не лучше — иначе. Под глазами — тёмные круги. Худее. Но — глаза — не пустые. В них — что-то. Не боль — нет. Чтото — живое. Как — огонёк. Маленький, дрожащий, но — есть.

— Я думал, вы не вернётесь, — сказал он.

— Я тоже думал. Но — вернулся.

— Почему?

— Потому что — обещал.

— Кому?

— Себе.

Он помолчал. Потом:

— Я тоже — думал. Две недели. Думал — о звуке. Об ударе. О — тишине. И — понял.

— Что поняли?

— Что я стою не изза неё. Не изза Марии. Изза себя. Я стою, потому что — если я двигаюсь, мне нужно — жить. А жить — это... — Он замолчал. Долго. Я — ждал. — Жить — это чувствовать. А чувствовать — это больно. И я — не хочу. Не хочу — боли. Хочу — стоять. Стоять — не больно.

Стоять — пусто. А пусто — лучше, чем больно.

Я — знал. Я — знал это. Двадцать восемь лет — знал. Стоять — не больно. Лежать на полу — не больно. Быть функцией — не больно. Больно — когда чувствуешь. Когда — трещина. Когда — вода. Я — знал. И — сказал:

— Я знаю.

— Знаете? Или — понимаете?

— И знаю, и понимаю. Я — стоял. Двадцать восемь лет. И — выбирал пусто. Потому что пусто — безопасно. А больно — нет.

— И что?

— И — я треснул. И стало — больно. И — я пожалел. Но — потом — стало — живо. И живо — лучше, чем пусто. Даже если — больно.

Он смотрел. Серые глаза — прямо. Не сквозь — на. И в них — вопрос. Не «как» — «зачем». Зачем — больно. Зачем — чувствовать. Зачем — жить, если можно — стоять.

— Зачем? — спросил он.

— Ради — Маши, — сказал я. Не подумав. Раньше, чем понял. Слова — вышли, как вода из трещины. Непроизвольно. — Ради — дочери. Ради — кота на скамейке. Ради — кофе горького. Ради — кривого круга. Ради — воздуха холодного. Ради — того, чтобы — чувствовать.

— А если нет дочери? Нет кота? Нет кофе?

— Тогда — ради себя. Ради — того, кто стоит. Он — заслуживает. Он — живой. Он — живой, даже если — замёрз.

Он молчал. Долго. Минуты. Я — не считал. Я — не считал больше. Я — просто — был. С ним. В тишине. В тёплой тишине — не стеновой, не пустой. Тёплой.

— У меня нет дочери, — сказал он. — Нет кота. Нет — никого. Мария — была. Теперь — нет.

— Игорь. Вы — есть. И этого — достаточно.

— Достаточно — для чего?

— Для начала.

Он ушел. Я сидел. Я смотрел на дверь. Я думал: он вернётся. Или — нет. Я — не знал. Я — не додумывал. Я — не видел рыбу там, где нет рыбы. Я — просто — не знал. И — в этом — была правда. Не додуманная — настоящая. Я — не знал. И — этого — было — достаточно.

Он вернулся. Через неделю. И через неделю. И через неделю. Мы работали. Медленно. По осколкам. По каплям. Он рассказывал о Марии — о её смехе, о её руках, о её привычке пить чай с мятой. Он рассказывал о ночи — тридцать первого, о снеге, о дороге, о фаре, которая — мигнула. О звуке. О — тишине.

Я слушал. Не как функция — как человек. Я — слушал и чувствовал. Его боль — откликалась во мне. Не моя — его. Но — отклик. Резонанс. Как струна, которая дрожит, когда рядом играют другую. Мы — резонировали. И я — не знал — хорошо это или плохо. Марина Анатольевна — знала. Я — расскажу ей. На супервизии. Но — не сейчас. Сейчас — я слушал.

Глава 5. Супервизия

Я позвонил Марине Анатольевне в конце января. Мы не говорили — месяц. Я — не звонил. Она — не звонила. Мы — обе — ждали. Она — ждала, пока я выйду из паузы. Я — ждал, пока буду готов. Готов — сказать.

— Марина Анатольевна, — сказал я. — У меня новый пациент. Игорь, двадцать восемь. ПТСР, вина выжившего, диссоциация. Дорожнотранспортное происшествие, два погибших. Он — стояние. Как я. Резонанс.

— Артём, — она сказала. Не сразу. Пауза. — Ты — знаешь, что резонанс — это не плохо. Это — инструмент. Ты — чувствуешь его боль, потому что — знаешь. Знаешь — каково. Это — делает тебя — живым врачом. Не функцией — человеком.

— Но...

— Но. Резонанс — не плохо, пока ты — различаешь. Его боль — его. Твоя — твоя. Пока ты — различаешь, ты — работаешь. Когда — перестаёшь — ты — тонешь.

— Я различаю.

— Уверен?

Я — думал. Долго. Минуту. Две. Различаю? Его стояние — на дороге, ночью, пьяный, женщина на дороге. Моё — на кухне, утром, трезвый, отец на полу. Разные — ситуации. Одно — состояние. Замороженность. Недвижение.

Стопкадр.

— Да, — сказал я. — Различаю. Его — авария, вина, алкоголь. Моё — смерть отца, четырнадцать лет, беспомощность. Разные. Но — стояние. Общее.

— Общее — не значит — твоё. Общее — значит — понятное. Ты — понимаешь. Это — нормально. Это — эмпатия. Эмпатия — не контрперенос. Контрперенос — когда ты — решаешь свою проблему через пациента. Эмпатия — когда ты — чувствуешь, но — не решаешь. Ты — решаешь?

— Нет. Я — слушаю.

— Тогда — работай. Но — если почувствуешь, что — сливается. Что его стояние — становится твоим. Что ты — скользишь, когда он — стоит. Тогда — звони. Сразу.

Я — пообещал. И — работал. И — следил. За собой — следил. Как — за температурой. Каждый день — проверял. Сплю? Ем? Путаю дни? Сел на пол? Если — да, если — два «да» из четырёх — звоню. Я — измерял. Контролировал. Не — стеной. Заботой. О себе. О — том, кто — треснул и оцеплён, и кто — нуждается в защите. Не стене — заботе.

Я — заботился о себе. Впервые. Не как функция — как человек. Я — варил кофе и — пил. Медленно. Чувствуя. Я — гулял и — смотрел. На снег, на деревья, на Стёпу. Я — звонил Маше и — спрашивал. Не «как дела» — «что было сегодня». И она рассказывала — про школу, про Дашу, про учителя математики. Я — слушал. И — запоминал. И — не забывал. Потому что — это — важно. Не — симптомы.

Жизнь. Её жизнь. И — моя.

Я — жил. Не существовал — жил. Зигзагом, с откатами, с тёмными кругами под глазами. Но — жил.

Глава 6. Тётя Валя

Февраль. Я — позвонил. Тёте Вале. Не впервые — после того, первого, звонка, когда она рассказала о смерти отца. Мы говорили — минуту, может, две. Она — плакала. Я — молчал. Она повесила. Я — не перезвонил. Месяцы. Полгода. Я — не перезвонил, потому что — боялся. Не её — правды. Себя — после правды. Я — уже знал правду: отец умер от сердца, я — не виноват. Но — звонить тёте — значило — входить. В семью. В историю. В — то, от чего я убегал двадцать восемь лет.

Я — позвонил.

— Тётя Валя, это Артём.

— Артёмушка! — Голос — живой, тёплый, как печка. — Ты! Я — думала о тебе. Вчера. Думала — позвонить. И — ты — позвонил.

Совпадение. Или — не совпадение. Я — перестал верить в совпадения. Я — верю в связи. Не мистические — человеческие. Люди — связаны. Нитью, невидимой, тонкой. Тётя думала — я позвонил. Нить — дёрнулась.

— Тётя Валя, я хочу... приехать. В Москву. Повидать вас. И — поговорить.

— Приезжай! — Без паузы. Без «когда», «зачем», «надо ли». — Приезжай. Я — накрою. Пирог с капустой. Ты — любил. В детстве.

Пирог с капустой. Я — любил. В детстве. Я — не помнил. Она — помнила. Она — хранила. То, что я — забыл. Она — помнила. Как — сундук, в котором лежат вещи, которые ты — выбросил, а кто-то — подобрал и хранил. Она — хранила меня. Моё детство. Мои — пироги.

— Приеду, — сказал я. — В марте.

Март. Снова март. Март — мой месяц. Месяц, когда всё начинается. Лариса пришла в марте. Отец умер в марте. Я — еду в Москву в марте. Март — не месяц. Март — дверь. Каждую март — новая дверь.

Я поехал в марте. На поезде. Ростов — Москва. Шесть часов. Я — смотрел в окно. Снег — таял. Поля — грязные, бурые. Деревья — голые, чёрные. Весна — не пришла. Зима — не ушла. Между — серое. Как — я. Между. Не — там, не — здесь. Между.

Москва — огромная, громкая, давящая. Я — не был — двадцать лет. Или — больше. Я — не помнил. Москва — помнила. Москва — всегда помнит. Она — не забывает. Она — хранит — в камнях, в вывесках, в метро, в воздухе. Москва — сундук. Больше, чем тётя. Больше, чем все.

Тётя Валя — жила в Химках. Квартира — маленькая, тёплая, с запахом капусты и мыла. Она — открыла. Маленькая, седая, в фартуке. Она — постарела. Или — нет. Я — не пом-

нил, какой она была. Я — не помнил. Но — она — помнила.
— Артёмушка! — Она обняла. Маленькие руки — вокруг меня. Хрупкие, но — крепкие. Она — держала. Как — Маша. Как — Ольга. Как — все, кто держал меня, пока я — не мог держать себя.

Мы сели. Пирог — на столе. Горячий, с золотистой корочкой. Чай — в кружках, с лимоном. Я — ел. И — помнил. Вкус — капусты, теста, масла. Вкус — детства. Не — травмы. Детства. Я — ел пирог и — помнил, что детство — было. Не только кухня, не только отец, не только пол. Пирог. Капуста. Тётя. — Тётя Валя, — сказал я. — Расскажите. Об отце. Не — о смерти. О — жизни. Я не знаю. Я — забыл. Вы — помните.

Она — помнила. Она — рассказала. Отец — Сергей — был весёлым. До — матери. До — запоев. Он — играл на гитаре, пел романсы. Он — танцевал — вальс, с тётей, на свадьбе. Он — смеялся. Громко, от живота, запрокинув голову. Он — мастерил — стулья, полки, детские игрушки. Мне — деревянную машину. Я — не помнил. Она — помнила. Он — катал меня на плечах. По — парку. Я — не помнил. Она — помнила.

— Он тебя — любил, — сказала она. — Больше всего. Больше — жизни. Ты — был его — всё. Когда мать ушла — он — сломался. Не изза неё. Изза тебя. Он — боялся. Боялся — не справиться. Боялся — испортить. Боялся — что ты — увидишь. И — ты — увидел. Но — не то. Не — его любовь.

Ты — увидел — его слом. А — до слома — была — жизнь. Хорошая. С — гитарой, с — машиной, с — плечами. Ты — забыл. Но — было.

Я — слушал. И — внутри — что-то двигалось. Не трещина — нет. Что-то — мягкое, тёплое. Как — тесто. Как — пирог. Как — память, которая — возвращалась. Не — оском, не — о боли. О — пироге. О — гитаре. О — плечах.

— Тётя Валя, — сказал я. — Деревянная машина. Она — есть?

— Есть! — Она встала. Пошла к шкафу. Открыла. Достала — с верхней полки, из-за коробок. Маленькая, деревянная, красная. Колёса — на гвоздях. Кузов — квадратный. Руль — палочка. Грубая, неровная. Сделанная — руками. Его руками.

Я — взял. Дерево — тёплое, гладкое. От — времени, от — рук. От — его рук. Я — держал. Маленькую, красную, грубую машину. Сделанную — отцом. Для — меня. Двадцать девять лет назад. Или — тридцать. Не важно. Важно — что — была. Что — он — делал. Что — любил.

Я — заплакал. Не от боли — от — узнавания. Я — узнал. Не машину — отца. Не — в машине. В — себе. В — том, кто — держал машину. В — мальчике, который — катал её по полу. В — ребёнке, которого — катали на плечах. В — сыне, которого — любили. Я — узнал. И — заплакал. Не — от горя. От — тёплого. От — пирога и машины и тёти и гитары и плеч. От — жизни, которая — была. До — слома.

До — кухни. До — пола.

— Забери, — сказала тётя. — Она — твоя. Она — всегда была — твоя.

Я — забрал. Маленькую, красную, грубую машину. Положил в карман. Она — помещалась. Маленькая. Но — тяжёлая. Не физически — иначе. Тяжёлая — от памяти. От — любви. От — того, что — было. И — что — я — забыл. И — что — теперь — помнил.

Глава 7. Маша и машина

Я вернулся. Ростов — серый, мокрый, весенний. Я — шёл от вокзала, и в кармане — машина. Я — чувствовал. Каждый шаг — машина. Дерево — стучало о бедро. Тихо, как сердце.

В субботу — поехал к Маше. К Ольге. В квартиру на Кировской. Маша — открыла. Десять лет. Рыжая. Выше, чем в прошлом году. Ноги — длиннее. Лицо — тоньше. Она — росла. Пока я — копал. Она — росла.

— Пап! — Обняла. Крепко. Я — обнял. И — положил руку в карман. Достал. Маленькую, красную, грубую машину.

— Это тебе, — сказал я.

Маша — взяла. Повертела. Колёса — скрипнули. Кузов — шершавый. Руль — палочка. Она — смотрела. И — я — видел: она — видит. Не — игрушку. Рукотворность. Грубость. Сделанность. Человечность.

— Кто сделал?

— Дед. Мой отец. Для меня. Давно.

— Дед? — Она помолчала. — Ты — никогда не говорил про деда.

— Я — не говорил. Не потому что — не хотел. Потому что — не мог. Теперь — могу.

— Расскажешь?

— Сядь.

Мы сели. На диван. Маша — рядом, с машиной в руках. И я — рассказал. Не всё — нет. Не — кухню, не — пол, не — кровь. Я — рассказал — о гитаре. О — романах. О — танце на свадьбе. О — плечах. О — деревянной машине. О — пироге с капустой. О — тёте Вале. О — жизни. Не — о смерти.

Маша слушала. Глаза — большие, серьёзные. Она — не перебивала. Она — держала машину и — слушала. И когда я — закончил, она сказала:

— Пап, а ты — похож на него.

— На кого?

— На деда. Ты — тоже — делаешь вещи. Не — машины. Слова. Ты — делаешь слова. Как он — делал машины. Грубо. Но — для людей.

Я — молчал. Слова Маши — маленькие, простые. Но — точные. Как — скальпель. Я — делаю слова. Грубо. Но — для людей. Да. Я — делаю слова. Это — моя работа. Это — моё — наследство. Не — травма. Не — стояние. Не — кухня. Наследство — слова. Как — отец — делал машины.

Я — делаю слова.

Маша поставила машину на пол. Толкнула. Колёса — скрипнули. Машина — покатила. Неровно, криво — как я. Но — катилась.

— Пап, — сказала Маша. — Я назову её «Стёпа».

— Почему Стёпа?

— Потому что — кот Стёпа — тоже — кривой. С ободраным ухом. И — ты его — любишь. А эта машина — кривая. И — ты её — любишь. Кривые — тоже — любимые.

Кривые — тоже — любимые. Десять лет. Десять — и — мудрость, которая — у меня — появилась только в сорок. Кривые — тоже — любимые. Я — кривой. Но — любимый. Маша — любила. Ольга — может быть. Стёпа — мурчал. И — деревянная машина — катилась по полу, кривая, красная, скрипучая. И — этого было — достаточно.

Глава 8. Ольга

Маша ушла в комнату. Мы с Ольгой — остались. Кухня. Чай. Тишина — тёплая. Не — стеновая. Тёплая.

— Ты — рассказал ей, — сказала Ольга. Не — вопрос.

— Да. Не всё. Но — рассказал.

— Впервые.

— Впервые.

— Хорошо. — Она — помолчала. — Артём, я хочу — спросить. Ты — не обязан отвечать.

— Спрашивай.

— Ты — счастлив?

Я — думал. Счастлив. Слово — большое, как дом. Я — не знаю, что такое — счастлив. Я знаю — что такое — жив. Я знаю — что такое — чувствую. Я знаю — что такое — здесь. Счастлив — это — другое. Счастлив — это — когда — всё хорошо. А у меня — не всё. У меня — зигзаг. У меня — тёмные круги. У меня — скольжение. У меня — ненадёжная память. Но — я — здесь. И — я — чувствую. И — это — не счастье. Но — больше, чем — раньше.

— Не знаю, — сказал я. — Но — живой. И — это — больше, чем — было.

Ольга — кивнула. И — посмотрела. Как — тогда, на море. Долго. Тепло. С — тем выражением, которое я — не мог прочесть. Теперь — читал. Не — полностью. Но — читал. В нём — было: тоска, и нежность, и усталость, и — осторожность. И — может быть. Маленькое, как пламя на ветру. Может.

— Артём, — сказала она. — Я — схожу с ума.

— Что?

— Я — схожу с ума. Потому что — ты — changed. Меняешься. Ты — говоришь. Ты — рассказываешь. Ты — приежаешь. Ты — даёшь деревянные машины. И я — не знаю — что это. Не — знаю, кто ты. Не — знаю, кто — я. Не — знаю, что — мы. Но — я — чувствую. И — это — страшно. Потому что — я — отвыкла. Отвыкла — чувствовать тебя.

Я — привыкла — к пустоте. К — твоей пустоте. И — теперь — ты — не пустой. И — я — не знаю — что делать.

— Оль, — сказал я. — Не — делай. Просто — будь. Как — Стёпа. Как — Маша. Просто — будь.

— Стёпа — кот.

— Кот — тоже — быть. Кот — не делает. Кот — есть. И — этого — достаточно.

Она — усмехнулась. Впервые — за вечер. Маленькая, усталая, но — усмешка. Живая.

— Ты — сравниваешь нас с котом.

— Я — сравниваю нас с — достаточностью. Кот — достаточен. Он — есть, и — этого — достаточно. Я — хочу — быть. Достаточным. Не — идеальным, не — вылеченным, не — счастливым. Достаточным.

— Достаточным — для чего?

— Для — тебя. Для — Маши. Для — себя.

Она — молчала. Потом — встала. Подошла. Села рядом. Не — напротив. Рядом. Плечом — к плечу. Она — не обняла. Не — взяла за руку. Просто — села рядом. И — плечо — тёплое, близкое. И — этого — было — достаточно.

Мы сидели. Молчали. Маша — в комнате, играла с деревянной машиной. Стёпа — на скамейке, спал. Мир — жил. И мы — жили. В нём. С ним. Рядом. Плечом к плечу. Достаточно.

Глава 9. Дина

В марте пришла ещё одна пациентка. Дина Александровна Войтова, тридцать четыре года, психолог. Не психотерапевт — психолог. Школьный. Работала в школе — с трудными подростками. Пришла — не как пациентка. Как — коллега. По — рекомендации. Ей — порекомендовали меня. Я — не знал кто. Ктото, кто — сказал: «Артём Сергеевич — помогает. Он — понимает».

Она села — в коричневое кресло. Я — в своё. Она — нервничала. Руки — в замок, пальцы — переплетены, костяшки — белые. Она — улыбалась. Социальная улыбка. Профессиональная. Я — знал эту улыбку. Я — носил такую.

— Артём Сергеевич, я... — Она замолчала. Начала снова.

— Я не знаю, как это — быть на этом месте. Я — всегда — по ту сторону. Я — слушаю. Я — помогаю. А сейчас — я — тут. И — не знаю — как.

— Так же, как ваши пациенты. Не знаете — как. И — это — нормально.

— Нормально? — Она — усмехнулась. — Я — психолог. Я — должна знать — как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.